

Д.О. Половцев
D.O. Polovtsev

ИНАКОВОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ

Otherness as a philosophico-literary category

The article deals with the problem of otherness. The author shows that otherness is a crucial problem not only to philosophy and works it out in terms of literature studies.

Инаковость – одно из центральных понятий гуманитарной мысли XX века, которая превратилась в одну из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем современности. Так, например, Ю.М. Резник [1] предлагает по аналогии с термином «своеобразие» ввести термин «инакообразие», что «... означало бы качественно иное, чем собственное состояние или явление культуры» [1, 24]. Верно отмечает исследователь, что основной итог, к которому пришло современное научное знание, заключается в осознании и осмыслении проблемы инаковости и многомерности социокультурного мира.

Прежде чем определить инаковость, рассмотрим взаимосвязь инаковости и Другого, ибо эти понятия представляются нам весьма близкими, но не тождественными. Другой, по мнению В. Суковатой, – «эмблема..., задача которой – репрезентировать *различие, инаковость, альтернативность* по отношению к субъекту» [курсив автора. – Д.П.] [2, 134]. Следовательно, Другой является носителем инаковости; инаковость при этом выступает характеристикой Другого.

Принципиальным моментом в трактовке Другого является его инаковость, которая познается именно в соотнесении с Я. Инаковость может быть репрезентируема через отношение «Я – Другой». Таким образом, инаковость может быть определена как качество Другого, причем качество имманентное, пребывающее в Другом, присущее ему внутренне. «Другой, – пишет Л.Ф. Новицкая, – представлен во всей остроте своей инаковости...» [3, 10]. Следовательно, инаковость это еще и способ презентации Другого.

Необходимо отметить, что Другой (а вследствие этого и его инаковость) давно уже вышли за пределы сугубо философского дискурса. Так, например, А.М. Пятигорский полагает, что Другой и «свое» являются понятиями «литературной философии» [4, 264-270]; для М.В. Тлостановой, исследующей концепции культурной многосоставности и разнообразия, инаковость и Другой являются их неотъемлемой частью, поскольку «мультикультурная персона множественна, совмещает в себе различные текущие идентичности» [5, 267]; по мнению Ю.Н. Гирина, инаковость вообще «не столько научная категория, сколько духовная константа, мифологема...» [6, 145].

Категории инаковости и Другого используются теоретиками большого количества школ и направлений. Политические теории сконцентрированы на изучении классовых Других; феминизм исследует женскую друговость; эстетика изучает художественную инаковость; психоанализ требует рассмотрения Другого-внутри-себя; Другой подвергается интерпретации и в литературоведческой практике. Оригинальную точку зрения высказывает современная зарубежная исследовательница Дж. МакВикер: литературные произведения, «в которых речь идет об инаковости, изображают самость..., сформированную... [такими] силами..., как, например, “Другой”» [7, 636]. Очевидно, что Другой и его инаковость играют магистральную роль в формировании Я.

Человек находит себя вне самого себя. Личность конституируется в непрерывном общении с внешней по отношению к нему средой обитания, существенным элементом которой является другая личность. Наиболее адекватное воплощение этот круг идей нашел в работах русского литературоведа и представителя философии диалога М.М. Бахтина. По Бахтину, подлинное Я всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с Другим(и); Бахтин настаивал на том, что без Другого субъект не может иметь знания ни о себе, ни о мире: «подлинная жизнь личности, – пишет М.М. Бахтин, – совершается как бы в точке...

несовпадения с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие» [8, 13].

Другой вводится Бахтиным уже в работе «К философии поступка», где он рассматривается в качестве еще одного субъекта, который, как и Я, обладает единственностью. С литературоведческой точки зрения большой интерес представляет работа Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности». Здесь Другой также способен компенсировать и дополнять ограниченное видение Я. Подобная способность Другого происходит из его «внезаходимого» места по отношению к позиции Я: когда Другой находится вне Я, он может видеть и знать то, чего я не могу видеть с моего места и, благодаря этому «избытку видения» и знания, Другой может дополнить ограниченное видение Я и создать целое Я. Для обозначения этой особенности Бахтин употребляет понятия «внезаходимость» и «избыток видения».

Концепция М.М. Бахтина дополняется сартровской, так как оба в своем творчестве создают близкие понятия. У М.М. Бахтина: «Я-для-себя», «Я-для-другого», «Другой-для-меня»; у Ж.-П. Сартра: «Бытие-в-себе», «Бытие-для-себя», «Бытие-для-других». Общим для обеих концепций является то, что человек не может уйти от контакта, от соприкосновения с Другим. Однако по убеждению Ж.-П. Сартра, межличностные отношения изначально конфликтны.

Человек стремится к тому, чтобы Другой признал факт его свободы. Сартр видит ущербность человека именно в существовании Другого. Человек воспринимает взгляд Другого как опредмечивание, овеществление, отчуждение собственных возможностей. Сартр излагал свои взгляды не только лишь в системе философских категорий; он обращался непосредственно к художественным средствам: «все, что я написал, – признавался он, – одновременно философия и литература, не противоречащие друг другу, и каждый данный элемент одновременно литературный и философский, как в романах, так и в критических работах» [9, 109-110]. Основные взгляды Сартра полнее всего раскрыты в труде «Бытие и Ничто». Для того, чтобы стать

«бытием-для-себя», Я должен получить признание своего бытия от Другого, ибо «путь внутреннего мира проходит через Другого» [10, 26].

То, что в философских рассуждениях Сартра обретало обобщенный характер, в художественном творчестве оживает, наполняется множеством значений и характеристик. Написанная в 1943 г. пьеса «За запертой дверью», кажется, является пособием по теме «Других». «За запертой дверью» иллюстрирует идею: «Ад – это Другие».

Проблема Другого в интерпретации Ж.-П. Сартра (как в литературоведческой, так и в философской практике) открывает для субъекта другой способ существования. Только с открытием бытия-для-другого человеческая реальность оформляется, по мысли автора, в законченную структуру для-себя-для-другого. Если М.М. Бахтин видел в Другом путь, ведущий к диалогу, то Сартр видел в Другом то, что отбирает свободу. При все этом у Сартра «... подлинное бытие... возможно лишь как “бытие-с-Пьером” или “бытие-с-Анной”», то есть «бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» [11, 342].

Если у Ж.-П. Сартра субъект признает себя ответственным за свое существование в мире, за свое бытие-для-другого, то у Э. Левинаса субъект ответственен в первую очередь за Другого. Принимая на себя ответственность за Другого, Левинас ценит в нем прежде всего его инаковость, которая полагается им «как тайна». По Левинасу, именно инаковость Другого является демаркационной линией между классической и современной философией: «она [классическая философия. – Д.П.] недооценивала инаковость Другого [а, следовательно, в какой-то степени и самого Другого как носителя этой инаковости. – Д.П.], поскольку считала, что существует молчаливый диалог души с самим собой» [12, 175]. Современная мысль, по мнению Э. Левинаса, обращается именно к инаковости, но не к инаковости вообще, а к инаковости Другого.

Действительно, категории инаковости и Другого, как уже было отмечено выше, оказались важнейшими категориями в постмодернистской практике. Постмодернисты утверждают, что сознание не является простым представлением о самом себе; это представление о себе как о существе, чья идентичность носит временный характер. В такой ситуации представления о себе во многом определяются в зависимости от встреч с множеством Других. Более того, человек не есть то, что он есть. Он совершает поворот в виде оборачивания на себя самого; само Я в каком-то смысле оказывается Другим по отношению к себе. Возникает представление о человеке как нетождественному самому себе и необходимости осознания себя с точки зрения Другого. Становится понятным, почему Другой является одним из основополагающих понятий «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса» (термин И.П. Ильина) [13, 231].

В связи с этим обратимся к постструктурализму, ибо полагаем, что представляется уместным рассмотреть постструктуралистские интерпретации Другого, так как постструктурализм, по справедливому замечанию И.П. Ильина, оказывает «сильнейшее влияние на литературоведение...» [13, 225]. В постструктурализме (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида Ю. Кристева и др.) Я предстает как постоянная самоинтерпретация, находящаяся во взаимосвязи с интерпретацией мира Другим, с его интерпретацией Я.

Жиль Делез, например, развивает тему Другого, обращаясь к роману французского писателя Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Делез написал к нему статью-комментарий под названием «Мишель Турнье и мир без Другого». Эксперимент Турнье, по словам Делеза, состоит в «островном мире без другого». Развивая тезис, Делез анализирует, что есть человек без Другого на своем острове? Кажется, что мир без Другого звучит парадоксально, так как мир – всегда мир Других. Мир без Другого сразу ставит под сомнение сам мир, в котором не стало Другого. Возможен ли такой мир одиноких и изолированных Я, где никто ни к кому не обращается на Ты?

Полагаем, что в мире, в котором отсутствует Другой, не может быть и того Я, которое рождается каждый раз в обращении к Ты.

Делез считает, что в выяснении вопроса о том, кто же такой Другой, многие исследователи допускают ошибку, анализируя его в терминах объекта и субъекта. По Делезу, Другой «... не есть ни объект в поле моего восприятия, ни субъект, меня воспринимающий, – это, прежде всего, структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает. ... Но какова эта структура? Это структура возможного» [14, 287]. Таким образом, Другой по Делезу – воплощение категории возможного. Более того, «наполняющий мир возможностями, задними планами, окраинами и переходами, предписывающий возможность ... мира – ... это и есть другой» [15, 406-407]. Следовательно, мир без Другого оказывается миром без «потенциальностей».

Концепция Ж. Делеза, полагающего Другого как структуру, не противоречит теории известного французского ученого М. Фуко, для которого Другим является безумец. Безумие и безумец – ключевые понятия системы М. Фуко. По Фуко, смысл человеческого существования, способность человека к самопознанию проверяется отношением к безумию, которое существует как в себе, так и вне себя.

М. Фуко всегда интересовало то, что выявляет другость, инаковость в человеке. Примечательно, что «как все... постструктуралисты, – пишет по этому поводу И.П. Ильин, – он [М. Фуко. – Д.П.] видел в литературе наиболее яркое и последовательное проявление этой “инаковости”, которой... лишены тексты философского и юридического характера» [13, 18].

По мнению Фуко, грань между нормальным и безумным подвижна: «человек и безумный объединены связью неуловимой и взаимной истины; они говорят друг другу эту истину о своей сущности» [16, 316]. В безумии, как полагает Фуко, существует проблеск «истины», который недоступен разуму.

Нет сомнений, что концепция Фуко остается актуальной и в XXI веке: безумец, который «присутствует в каждом» ставит человека на грань, человек *постоянно балансирует* на этой грани, именуемой «Я – Другой». Так, например, С. Жижек полагает, что «... наша нетерпимость к внешнему (этническому, половому, религиозному) Другому [это] суть выражение якобы “более глубокой” нетерпимости к вытесненной или отринутой инаковости в нас самих: мы ненавидим и нападаем на чужое, потому что не можем прийти в согласие с чужаком в себе» [17, 162]. Следовательно, для гармоничного существования, человеку необходимо найти примирение с инаковостью внутри себя. Смещение фокуса современности на инаковость внутри себя может быть объяснено, с одной стороны, развитием антропологических исследований, а с другой, (что, наш взгляд, является более существенным), кризисом рациональности, который выразился в попытках объяснить мир и человека через иррациональную составляющую человеческой психики. Верно про эти попытки пишет известный украинский ученый Н.А. Высоцкая, что «...в дискурсе Другого [исследователи ищут] мотивацию для борьбы против формализованного, централизованного дискурса реальности...» [18, 7]. Подчеркнем еще раз, что важно не понимать Другого как прямо относящееся к другому человеку, другому Я, или вообще другой сущности; Другой, как уже отмечалось выше, существует в каждом из нас. Присутствие Другого в структуре идентичности делает человека нетождественным самому себе.

В начале статьи нами было выдвинуто следующее определение инаковости: инаковость – это имманентное качество Другого. Очевидно, что такое определение инаковости не охватывает всю многогранность и многоаспектность отношений Я и Другого, рассмотренных в данной статье. При все при этом данное определение имеет право на существование, так как Другой является носителем инаковости. Поэтому инаковость как имманентное качество Другого мы будем понимать в узком смысле.

Инаковость представляется одним из фундаментальных понятий современной гуманитарной мысли, обращенной в настоящее время, как это уже было подчеркнуто выше, преимущественно на изучение инаковости внутри себя. Из этого совсем не следует, что идеи диалогизма оказались не востребованы: в рамках постмодернистской программы чрезвычайно актуальное звучание, на наш взгляд, приобретает тезис Ж.-П. Сартра: «мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия» [11, 342]. Становится очевидным, что в ситуации такого «синтеза» инаковость требует более адекватного и точного определения. Мы уже упоминали, что инаковость является категорией, посредством которой реализуются отношения Я и Другого. Отсюда выведем определение инаковости: инаковость – категория субъектно-объектных отношений, делающая возможной и актуализирующая оппозицию «Я – Другой». Так мы понимаем инаковость в широком смысле. На наш взгляд, оба определения инаковости не только не являются противоречивыми, но и взаимодополняют друг друга.

Итак, несмотря на то, что теоретические основы различных концепций Другого и инаковости оказались разработаны преимущественно в рамках философского дискурса, проблема инаковости является междисциплинарной и рассматривается во многих отраслях гуманитарного знания. Так, в рамках литературоведения к проблеме инаковости в своем творчестве обращались, например, М. Бахтин, Ж.-П. Сартр. Представители постструктурализма также внесли свой вклад в разработку проблемы инаковости и Другого в литературоведческой практике. Так, некоторые представители постструктурализма (Ж. Делез) разрабатывали категории инаковости и Другого и проецировали собственные гипотезы на литературные произведения; концепции других (Ж. Лакана, М. Фуко) используются для интерпретации литературных произведений. Таким образом, применительно к настоящему исследованию есть все основания полагать инаковость категорией философско-литературной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резник Ю.М.* «Иное» и формы его представленности в науке о культуре: антропологический вызов времени // Социальная антропология на пороге XXI века. – Тезисы и материалы конференции. Москва, 20-21 ноября 1997 г. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. С. 22-31.
2. *Суковатая В.* Образование как практики Другого // Высшее образование в России, №3, 2004. С. 133-140.
3. *Новицкая Л.Ф.* Проблема нравственного самообретения в пространстве интересубъективности. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. 128с.
4. *Пятигорский А.М.* Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 590с.
5. *Западное литературоведение XX века:* Энциклопедия. – Москва: Intrada, 2004. 560с. (ИНИОН РАН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения).
6. *Гирин Ю.Н.* Инаковость латиноамериканской культуры: поэтика Хосе Лесамы Лимы // Латинская Америка. – М., 1997. – №8-9. С. 145-151.
7. *McVicker, Jeanette.* The Life Writing of Otherness: Woolf, Baldwin, Kingston and Winterson (Book) // An Interdisciplinary Quarterly. Summer 2004. Vol. 27. Issue 3. P. 635-638.
8. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470с.
9. Цит. по: *Полторацкая Н.И.* Меланхолия мандаринов. Экзистенциалистская критика в контексте французской культуры. СПб.: Алетейя, 2000. 415с.
10. *Сартр Ж.П.* Картезианская свобода // Логос, №8. М., 1996. С. 17-31.
11. *Новейший философский словарь* / Гл. науч. ред., сост. Грицанов А.А. – 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом. 2003. 1280с. – (Мир энциклопедий).

12. Цит. по: *Ямпольская А.В.* Ранний Левинас: проблемы времени и субъективности // Вопросы философии – М., 2002. – N 1. С. 165-176.
13. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: Инион РАН – Intrada. 2001. 384с.
14. *Делез Ж.* Мишель Турнье и мир без другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб, СПб.: Амфора, 1999. С. 282-302.
15. *Делез Ж.* Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480с.
16. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ad Marginem, 1999. 478с.
17. *Жижек С.* Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? // Логос, №1. М., 2003. С. 75-88.
18. *Высоцкая Н.А.* Теория постмодернизма на рубеже столетий: тенденции и прогнозы // Вестник СевГТУ. Вып. 45: Филология: сб. науч. Тр. / Редкол.: А.С. Козлов (отв. Ред.) и др.; Севастоп. Нац. Техн. Ун-т. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003. С. 3-10.

Дата поступления статьи в редакцию:

Повторная сдача статьи в редакцию:

Сведения об авторе:

Половцев Денис Олегович – аспирант кафедры зарубежной литературы МГЛУ

Тел. моб.: 8-029-711-50-84.

Аннотация на русском языке:

В статье рассматривается проблема инаковости, являющаяся одной из ключевых проблем современности. Автор убедительно показывает, что Другой и его инаковость не являются категориями сугубо философского дискурса, а рассматриваются во многих отраслях гуманитарного знания. Автор небезосновательно полагает инаковость категорией философско-литературной, обращаясь к творчеству М.М. Бахтина, Ж.-П. Сартра, Ж. Делеза, М. Фуко, а также к мультикультурализму. Результатом проведенного исследования являются оригинальные, самостоятельно выработанные определения инаковости как в узком (как имманентное качество Другого), так и в широком (как категория субъектно-объектных отношений, делающая возможной и актуализирующая оппозицию «Я – Другой») смыслах. Статья носит междисциплинарный характер и может представлять интерес не только для философов и литературоведов, но и для лингвистов, педагогов, культурологов.